

С.И. Дмитриева

ГОРОДСКИЕ ЧЕРТЫ В КУЛЬТУРЕ РУССКИХ ПОМОРОВ

Поморами называли русских – потомков древних поселенцев, заселивших юго-восточное и юго-западное побережье Белого моря. Так же называли жителей более обширного региона по берегам Белого моря, Онежского озера и по рекам Онеге, Северной Двине, Мезени, Печоре, Каме и Вятке. Русских, населяющих все эти районы, объединяет общее происхождение: они являются потомками древних русских поселенцев, преимущественно из Новгородской земли. Кроме того, Поморьем раньше называли и всю область Севера Европейской России, расположенную к северу от 60-й параллели. В научной литературе ее традиционно именуют Русским Севером. Здесь сложился своеобразный комплекс культуры, сформировавшийся у потомков переселенцев из Новгородской и Ростово-Суздальской (позже Московской) земель. При этом в северо-западной части Русского Севера преобладающим было влияние новгородских, а в юго-восточной – ростово-суздальских поселенцев. Определенную роль играло смешение этих двух переселенческих потоков, способствовавшее появлению своеобразных черт в культуре всего Русского Севера. Культурную общность населения этой области обусловило единство социально-экономических условий в течение длительного времени.

Как показывают исторические, этнографические и лингвистические данные, Север заселялся славянами главным образом в XII–XVII вв., однако некоторые районы, низовья Северной Двины, например, были освоены ими раньше. А.Н. Насонов считает, что уже в IX в. здесь были славянские поселения, тогда как связи с этими землями у славян завязались значительно раньше¹.

Экономическую и культурную жизнь Русского Поморья во многом определяло географическое положение – через Поморье проходили пути, с глубокой древности соединявшие Восточноевропейскую равнину с Североазиатской. Один из путей – Печорский – связывал Центральную Россию с Сибирью (по Северной Двине и ее притокам – Югу и Сухоне).

Первоначально торговые пути, шедшие через Север, контролировались новгородской властью. Торговые связи Новгорода распространялись от Фландрии и ганзейских городов до Югорской земли и от Скандинавии до Константинополя и Астрахани. Через Новгород отправлялось в эти земли сырье, стекавшееся из новгородских пятин, волостей и подвластных земель. Роль Новгорода в торговле, особенно с Западной Европой, возросла, когда после падения Константинополя и татарского нашествия торговля с Византией и Востоком пришла в упадок, а Великий водный путь из Варяг в Греки потерял былое значение. Эту роль Новгород сохранял до своего поражения в борьбе с Московской властью (1478).

После падения Новгорода Печорский путь полностью перешел в руки московских великих князей, которые использовали его для подчинения Югры. Путь этот утратил свое значение лишь после завоевания Казани и освоения камских путей в Зауралье. Однако еще в XVII в. он оставался важнейшей артерией, по которой шло движение русских промышленников на соболиныи промыслы. Не меньшее значение сохранял и другой путь, морской, с Пинеги, Двины и Мезени в Мангазею.

На Печорском и морском путях вырастали слободки и становища, например Ижемская, Устьцылемская, Окладникова слободки. С этими путями связаны ярмарки и торги, в числе которых и такие крупные, как крещенские ярмарки в г. Мезени и в с. Вашгорте на Вашке, функционировавшие до XX в. По своему торговому обороту эти ярмарки были одними из самых крупных в России.

Основная особенность севернорусских ярмарок заключалась в том, что на них русские, а нередко и иноземные купцы приобретали продукты охотничьего и олене-

водческого хозяйства местных народов. Например, на ярмарки в Лампажню, расположенную в низовьях Мезени, регулярно приезжали самоеды (ненцы и энцы) обменивать на русские товары пушнину и оленьи шкуры. Ярмаркой интересовались англичане, которым Лампажня была известна под названием «Lampas». Эти ярмарки втягивали в торговый обмен и народы далекого Зауралья: ненцы, ханты и манси для обмена на русские товары часто доставали пушнину от своих соседей, живших далее на востоке.

С XVI в. главную роль в севернорусской торговле начинает играть Архангельск, куда в летнюю навигацию съезжались многочисленные купцы как из Сибири, так и из Западной Европы. Свое торговое и хозяйственное значение Архангельск и весь Русский Север несколько утратили после завоеваний Петра I, когда основная роль в сношениях с Западом перешла к Петербургу.

Однако, хотя объем государственной торговли, производимой через Архангельск, после указов Петра I значительно сократился, сношения русских поморов с поморами скандинавскими, особенно норвежскими, продолжались. Жители селений поморского берега Белого моря – Кеми, Шуи, Сороки, Сумы – на своих лодках плавали не только по родному Белому морю, но и по океану, достигая Норвегии. В торговлю с Норвегией были втянуты также поморы, промышлявшие на мурманских и новоземельских промыслах.

В своих дальних морских и океанских плаваниях поморы пользовались лодками собственного производства. Небольшие лодки мог смастерить каждый поморский хозяин, однако имелись мастера, способные построить крупные морские суда. Особо известны в этом отношении были карелы д. Подужьемы, расположенной недалеко от Кеми. Их услугами пользовались не только жители соседних сел, но и керчане, варзужане, мезенцы, жители Соловков и Архангельска и даже англичане и немцы. Лодейные мастера, как правило, не пользовались ни чертежами, ни планами, а руководствовались в своей работе традиционными навыками и врожденным чутьем. Также «по вере», полагаясь на незаурядную память и верные приметы, поморы водили свои суда. Лишь у некоторых хозяев имелись передаваемые по наследству записные книжки (лоции), где отмечались опасные мели, пороги, удобные и безопасные становища.

Торговые связи Поморья, да и всего Русского Севера, поддерживали промысловый характер хозяйственной деятельности поморов, сложившийся, безусловно, в первую очередь под влиянием географических условий. Близость холодного океана делала малоуспешным занятие земледелием, а обилие морской фауны создавало благоприятные условия для промысла морского зверя и рыбы. В условиях суровой и долгой зимы сложились своеобразные формы артельного быта, помогавшие сходящимся на промыслы из многих севернорусских деревень поморам не только успешно работать, но и коротать длинные осенние и зимние вечера.

Другим важным видом деятельности севернорусских крестьян была охота на пушного зверя и дичь. Она всегда играла большую роль в жизни восточных славян, однако по мере сокращения площади лесов и истребления зверя ее значение падало, и только в северных районах охота приобрела промышленный характер. Известную роль в хозяйстве играли и отхожие промыслы. Крестьяне, нередко создавая артели плотников, печников, кровельщиков, маляров, уходили на заработки в другие села и города, включая Петербург. Однако отходничество не приобрело на Севере такого размаха, как в среднерусских губерниях.

Немалое развитие у поморов получили домашние промыслы. В долгие осенние и зимние вечера крестьяне вязали сети, изготавливали дуги, сани, деревянную утварь, вырезные и расписные лукошки, прялки, рубели. Женщины вязали варежки, чулки. Предметами этих промыслов крестьяне обменивались на ежегодных ярмарках, например в Шуньге, куда съезжались купцы из разных краев России².

Подобные торговые и экономические связи Русского Севера определили особенности традиционной крестьянской культуры, в частности присутствие в ней ярко выраженных городских элементов.

Влияние города на традиционную культуру русских поморов уже отмечалось исследователями, хотя специальных работ по этой теме нет. Фольклористика, этнография, история и археология постоянно выявляют материал, относящийся к интересующей нас теме.

Тот факт, что в традиционной культуре Русского Севера, справедливо считающегося заповедником древнерусской культуры, больше, чем в других областях, сказалось влияние городской культуры, заслуживает особого внимания. Примером этого может служить русский былинный эпос, сохранившийся, как известно, только в севернорусских районах. Многочисленные реалии городской культуры, как древнерусской, так и более позднего времени, содержащиеся в самих былинах, позволили ряду исследователей утверждать, что основное ядро былинного эпоса сложилось в городской среде. Одним из первых об этом писал известный историк И.Е. Забелин³. Позже его поддержал Ф.В. Миллер, считавший, что былины слагались в крупнейших и богатейших городах Древней Руси, таких, как Киев, Новгород, Переяславль, Чернигов⁴. Об отражении городской культуры в эпосе писали такие исследователи, как Н.Д. Квашнин-Самарин, М.Г. Халанский, А.Н. Веселовский⁵. Городская специфика былин наиболее полно была показана в трудах советских исследователей М.Н. Тихомирова, Б.А. Рыбакова, Р.С. Липец⁶, где нашли отражение многочисленные новые материалы по истории, археологии и этнографии. Например, дополнительно была аргументирована важная мысль, высказанная учеными прошлого столетия, о том, что былины развились из песенных слав, исполнявшихся на пирах в честь князей и богатырей.

В большой степени городское влияние проявилось в народном изобразительном искусстве севернорусских районов. Искусствоведческий анализ крестьянских росписей по дереву показал, что они многими чертами связаны с городскими стилями. Так, свободная кистевая роспись, получившая распространение в северо-западных районах Русского Севера (бывшая Олонская губерния и прилегавшие к ней районы Архангельской и Вологодской губерний) характеризуется чертами, восходящими к традициям новгородской художественной культуры, к орнаменту, получившему распространение в монументальной живописи, иконописи, рукописной миниатюре и т.п. Это касается как самой манеры росписи, так и художественных образов и мотивов, например частого изображения коней, львов, единорогов, птицы Сирия, пышного растительного орнамента с диковинными цветами и т.п.⁷

Исследователи возводят этот орнамент к эпохе Киевской Руси, художественная культура которой в своем развитии была остановлена татаро-монгольским вторжением. Традиция, однако, не погибла полностью, а была перенесена на Север в Новгород, Псков, Ростово-Суздальскую землю. XIV–XV вв. – время наибольшего воздыстия на севернорусские земли культуры Новгорода Великого. Например, в росписи севернорусских прялок встречается мотив лилии – крина, характерного для новгородской фресковой живописи⁸.

В северо-восточных районах интересующей нас области имела место живопись, для которой характерны графичность, светлый фон. Наибольшее распространение подобная живопись получила в районах Северной Двины, что позволило исследователям назвать ее «северодвинской». Искусствоведческий анализ показал, что истоки этого искусства восходят к городским центрам росписи, располагавшимся в Новгороде Великом, в Великом Устюге, Коломенском, Москве⁹.

То же можно сказать о деревянной скульптуре, получившей развитие в севернорусских селах и деревнях, развитие которой неразрывно связано с известными центрами скульптурной резьбы в Новгороде, Москве, Ростове Великом, Вологде и Великом Устюге¹⁰.

Работы севернорусских косторезов, произведения которых, относящиеся к XVII–XIX вв., имеются в собраниях не только нашей страны, но и за рубежом, позволяют проследить влияние городских художественных стилей от раннего классицизма до эклектики¹¹.

Изучение исторических корней и эволюции шемогодской резьбы по бересте – знаменитого крестьянского промысла деревень по р. Шемоксе, одного из притоков Северной Двины, показало, что по технике исполнения этот промысел тесно связан с изделиями прикладного искусства, находимыми в раскопках Новгорода, Белозерска, а также с ремеслами Великого Устюга (чернение серебра, ткачество, резьба по дереву, финифть и т.п.)¹².

Примером взаимодействия городской и сельской культур в сравнительно позднее время может служить цветное стекло в прикладном искусстве XVIII в., возрождению которого способствовал великий русский ученый М.В. Ломоносов¹³. Технология изготовления цветного стекла была известна в Древней Руси, о чем свидетельствуют как памятники письменности XI–XIV вв., так и результаты археологических раскопок¹⁴. Развитие этого искусства было приостановлено татаро-монгольским нашествием. Начавшееся позже возрождение древнерусских ремесел не коснулось стеклянных бус и бисера. Поскольку изделия, украшенные бисером, продолжали широко бытовать, на ввоз бисера из-за границы тратились значительные средства¹⁵. Особое распространение бисер имел не только в русской крестьянской среде, но и у финно-угорских народов в Поволжье, на северо-восточных окраинах Европейской России и Сибири. М.В. Ломоносов, уроженец одной из севернорусских деревень, хорошо знакомый с бытом русских поморов и их соседей, не мог не заметить широкого распространения бисера в народной одежде. Это обстоятельство, а также стремление избавить Российское государство от немалых трат на импорт бисера побудило М.В. Ломоносова возродить в России древнее ремесло цветного стеклоделия. В 1753 г. он основал Усть-Рудицкую фабрику под Петербургом, где налажил производство бисера и других изделий из цветного стекла по собственной рецептуре, тем самым способствуя закреплению моды на бисерные украшения в русской народной одежде.

Городское влияние сказывается и в материальной культуре севернорусских районов: в декоре жилищ, предметов быта, одежды. В некоторых районах Севера, особенно в бассейне Сухоны, Вычегды, Верхнем Прикамье заметны черты московской хорошей архитектуры, например в украшениях балконов, крылец, наличников и т.п.¹⁶. В декоре крестьянского жилища Заонежья, Северной Двины, Нижней Мезени в украшениях наличников и балконов можно видеть влияние более поздних стилей – барокко и ампира¹⁷. Исследователи объясняют появление этих стилей в Заонежье тесными экономическими связями этого района с Петербургом, куда устремлялись многочисленные плотники и столяры – отходники. Как искусные плотники северяне славились на Руси издавна. Мастера из Вологодской и Архангельской губерний вызывались на строительные работы в Москву, а позже – в Петербург для строительства новой столицы.

Севернорусский комплекс крестьянской одежды более, чем одежда других русских областей, связан по своему происхождению с городом. В покрое косоклинного сарафана XIX в. и расположении украшений на нем прослеживаются аналогии с ферязями, телогрейками, шубками – женской боярской одеждой допетровской Руси. В рисунках сарафанных тканей, состоящих из пышных гирлянд и букетов, перевитых лентами, сказывалось влияние культуры высших классов XVII–XVIII вв. В конце XIX–начале XX в. крестьяне северных областей раньше, чем южнорусских, начали носить костюмы, близкие к городскому платью XIX в.¹⁸ В поморских деревнях крестьяне и сейчас сохраняют богатую, шитую золотом одежду с коротенькой (душегрейкой) и кокошником, восходящую к одежде богатых горожанок боярской Руси.

В новогодних обрядовых песнях Русского Севера – «виноградях», обращенных к неженатому парню, нередко изображается молодец, в котором по одежде нетрудно распознать богатого горожанина:

«...Да, он ключевою водою умывается,
Да, тонким, белым полотенцем утирается,
Да, тонку беленьку рубашку, да надевает на себя,
Да, вот новы сапоги да обувает на ноги,

Да, черну шляпу пухову да надевает на голову,
Да, снарядился молодец, да во божью церковь пошел

.....
Да, он крест то кладет да по писаному,
Да, он поклон-от ведет да по ученому,
Все крестьяне да бояре сдивовались молодцу...»

В другом варианте «виноградья» изображаемый молодец обращается к слугам:

«Да, вы подайте-ка, слуги, да мне козловы сапоги,
Да, вы подайте-ка, слуги, да мне бумажны чулки,
Да, вы подайте-ка, слуги, да черно-искренний кафтан,
Да, вы подайте-ка, слуги, да мне-ка шляпу пухову,
Да, вы подайте-ка, слуги, да мне перчатки меховы...»¹⁹

Показателен и такой факт. В деревнях Нижней Мезени в отличие от деревень, расположенных выше по течению реки (Лешуконский р-н), были слабо развиты традиционные крестьянские промыслы: ткачество, вязание, плетение и т.п. В свое время Д.К. Зеленин, обратив внимание на подобную ситуацию на нижней Печоре (в Пустозерске), где в отличие от деревень верхней Печоры также были слабо развиты крестьянские промыслы, тот факт, что пустозерки не умеют вязать варег и чулок, объяснил их городским происхождением²⁰. Напомню в этой связи, что нижнее течение рек Мезени и Печоры находилось на морском торговом пути, связывавшем Новгород с Мангазеей и другими сибирскими городами, богатыми пушниной, что, по всей вероятности, способствовало приливу в интересующие нас районы представителей купеческого и других слоев городского населения.

Торговыми и экономическими связями, а также непосредственными сношениями поморов со скандинавами можно объяснить иноземное, особенно западноевропейское, влияние в севернорусской культуре.

Торговые связи Новгорода осуществлялись главным образом прибалтийским морским путем. Ведущую роль в прибалтийской торговле XII–XIII вв. играли Вестфалия, Саксония и северогерманские портовые города Бремен, Любек и Гамбург, объединенные в так называемый Ганзейский союз. Посредниками в торговле Германии и Северо-Западной Руси были западославянские города Шетин, Волин, Гданьск, а также Рига. С середины XII в. в Новгороде появляются колонии голландских и немецких купцов.

Ярким примером связей Новгорода со странами Западной Европы, и в первую очередь с северо-европейскими странами в области искусства может служить знаменитый храм Софии Новгородской. Этот храм по своему архитектурному решению близок к Софии Киевской, что соответствовало замыслу князя Ярослава, проводившего политику централизации подвластного ему государства. Однако только в конструкции Софии Новгородской прослеживаются отдельные черты сходства с архитектурой романского стиля, охватившего Западную Европу в XI–XII вв. На Руси проводниками романского стиля были Новгород и Псков, издавна поддерживавшие тесные торговые связи с Западом. С романской пластикой исследователи связывают появление в древнерусском искусстве изображений фигур львов, грифонов, диковинных птиц и т.п. В севернорусском крестьянском искусстве пережитки этого стиля сохранились до XX в.²¹ Н.Н. Соболев писал об общности элементов русского и скандинавского орнамента в резьбе по дереву. Влияние норвежского искусства проявилось в геометрическом орнаменте некоторых районов²².

Западноевропейские связи сказались в предметах прикладного искусства северных крестьян. Например, в мебельных работах архангельских мастеров видно использование западноевропейских образцов. Особенно ярко иностранные воздействия проявились в резьбе по кости, в которой большое распространение получил стиль барокко, часто в варианте рококо. По мнению А.И. Некрасова, этот стиль особенно заметен в предметах женского туалета, костяных гребнях, шпильках, ларцах,

шкатулках и зеркалах, употреблявшихся в быту крестьянок прошлого века, как будто бы «Русский Север признал для женских украшений законность галантного стиля Ватто». Мотивы орнамента XVII–XVIII вв. (цветок тюльпана, барочные картуши и рокальные завитки) можно видеть в северном живописном орнаменте на предметах быта, хотя в целом этот орнамент и в XIX в. сохраняет древние традиции, восходящие к эпохе Древней Руси²³.

Еще один пример. В панораму почти каждой поморской деревни входили двух- или трехметровые кресты, располагавшиеся среди домов, за околицей и по обочинам дорог, проложенных между деревнями. Большинство таких крестов являются обетными, т.е. поставленными по обещанию в благодарность за спасение или во избавление от грядущих бед. Предполагают, что византийский обычай обетного креста появился на Руси вместе с принятием христианства. Особое распространение он получил в Новгородской земле и на близком Новгороду Западе. Этот обычай отразился в архитектуре новгородских храмов, на стенах которых нередко вырезались обетные кресты. Высокие поморские кресты близки по форме греческой букве тау (Т), с которой принято связывать удлинённый латинский крест, получивший распространение на Западе, тогда как на Востоке чаще встречается равносторонний крест. Неслучайно заметно преобладание подобных обетных крестов в тех севернорусских районах, освоение которых связано с Новгородом Великим²⁴.

Городскому влиянию способствовало то обстоятельство, что население Русского Севера жило довольно активной политической, экономической и культурной жизнью, особенно до конца XVIII в. Издавна Поморье славилось своими морскими и соляными промыслами. На Северной Двине и ее притоках велась добыча руды, соли, развивались кораблестроение, заготовка и сплав леса. Археологическое изучение средневековых городов Поморья (XV–XVII вв.) показало довольно высокий уровень развития ремесленного посада в это время. Продукция ремесленников – кузнецов, котельщиков, серебряников, скорняков и т.п. – вывозилась в Великий Устюг, Вятку, Москву и Сибирь. На основании археологических и письменных источников можно говорить о повсеместном развитии на Севере в это время художественных ремесел: серебряного дела, резьбы и росписи по дереву, резьбы по кости, ткачества, вышивки, золотошвейного искусства и др.²⁵

Отсутствие на Севере крепостного права способствовало более раннему развитию товарно-денежных отношений. В отличие от крепостных крестьян, плативших оброк помещику натурой, северные крестьяне выплачивали подати деньгами, что заставляло их развивать ремесла и промыслы и продавать продукты своего труда. Со второй половины XIX в. в северных губерниях значительное развитие получил отход, причем преимущественно промышленный. Основная часть отходников стекалась в столицу²⁶. Все это не могло не способствовать предприимчивости, инициативности и подвижности северных крестьян, что в свою очередь создавало благоприятную почву для проникновения на Север «новых веяний и моды». В этом, в частности, убеждают биографии сказителей былин, среди которых, особенно лучших из них, было много людей «грамотных» и «бывалых». Нередко они служили в Петербурге, Новгороде, Петрозаводске. Сказители с побережья Белого моря, Мезени и Печоры по издавна установившейся у поморов традиции участвовали в заграничных плаваниях в Норвегию, Данию, Швецию и даже в Америку. Например, сказитель Л.Е. Гольчиков из д. Лебской Лешуконского р-на после отбытия военной службы «ходил матросом по найму» и бывал в Архангельске, Петрограде, в Америке и Дании. Сказитель М.Г. Антонов в 1892 г. совершил кругосветное путешествие, во время которого побывал в Англии, Испании, Южной Америке, в США и т.д. Да и сами тексты былин свидетельствуют о том, что их исполнители жили интересами всего Русского государства. В былинах имеются отражения исторических реалий не только Киевской Руси, когда создалось основное ядро русского эпоса, но и более поздних исторических эпох. В позднейшие периоды существования, в XVIII–XX вв. в былины входят понятия и лексика этого времени, нередко городского происхождения. Бояре заменяются «вельможами»; у

князя Владимира вместо «палат белокаменных» – «комнаты»; Василиса Микулишна, переодеваясь мужчиной, надевает «обмундирование». В ряде былин появляются «магазины» и «приказчики»²⁷.

Распространение культурных влияний в крестьянской среде связано еще с одной особенностью заселения Русского Севера – с большой ролью монастырей в освоении этого края. Известна, например, деятельность знаменитого Соловецкого монастыря, бывшего проводником лучших достижений своего времени не только в области экономики и хозяйства, но и культуры.

Подобную роль на Севере играли не только православные монастыри, но и старообрядческие скиты (общежития), которых было немало в этом крае, причем следует подчеркнуть, что старообрядцы в силу присущей им консервативности в значительной мере были хранителями и распространителями древнерусских традиций. Ярким примером может служить деятельность знаменитого Выгорецкого старообрядческого скита, оставшегося крупнейшим очагом новгородской культуры в течение XVII–середины XIX в.²⁸ Основатель общежития – незаурядный ученый и писатель Андрей Денисов принадлежал к роду новгородских князей. К потомственным новгородцам принадлежало и большинство жителей селений, входивших в скит.

Выгорецкий скит, ставший крупнейшим торговым, хозяйственным и культурным центром, оставил заметный след в народном искусстве интересующей нас области. В с. Данилово – главном центре скита – имелись мастерские иконописи и переписки книг, в которых работало свыше 200 человек. Те же мастера расписывали деревянные предметы, употреблявшиеся в крестьянском быту. С выгозерскими мастерами исследователи связывают появление в крестьянских росписях на бытовых предметах образов птиц-сиринов, львов, единорогов, а также выполненных в манере свободной крестовой росписи мотивов птиц на дереве, пышных цветов, восьмиконечных крестообразных розеток и т.п. Изучение произведений выгозерских мастеров показало, что в искусстве последних отразилось влияние иконописцев Соловецкого монастыря, Строгановской школы, искусства московского и петербургского барокко²⁹. После закрытия Выгозерского скита в середине XIX в. мастера разошлись по северным деревням, что, несомненно, способствовало более широкому влиянию выгозерских живописных стилей, сложившихся на основе древней новгородской культуры.

В северо-восточных районах Русского Севера, в селениях по Мезени и Печоре, столь же большим было влияние Великопоженского скита, основанного в 1720 г., в Великих Лугах на Печоре. Искусство иконо- и книгописцев, миниатюристов этого скита оказало заметное влияние на особенности пижемской (на Печоре) и мезенской (с. Палащелье) росписей. Многие мастера живописи на бытовых предметах происходят из семей пижемских иконописцев³⁰.

Одним из обстоятельств, способствовавших распространению городской культуры на Русском Севере, несомненно является довольно высокий уровень культуры и просвещения севернорусского крестьянства. Имеются основания говорить о достаточно высоком уровне грамотности населения Древней Руси в XIV–XV вв. А.И. Соболевский, ссылаясь на огромное число дошедших до нас книг и документов XV–XVII вв., сохранившихся в библиотеках и архивах, показал, что грамотность на Руси была высокой среди разных слоев общества³¹. На основании различных косвенных свидетельств – эпиграфического материала, рукописной литературы, указаний разного рода письменных источников – исследователи не раз говорили о высоком уровне грамотности в Новгородской земле³². Это мнение было подтверждено и прочно утвердилось в науке после открытий многочисленных берестяных грамот в Новгороде, свидетельствующих о распространении грамотности среди широких слоев новгородцев³³.

О грамотности русского населения Севера в районах политического и культурного влияния Новгорода свидетельствуют двинские грамоты XIV–XV вв., причем, что особенно важно, эти документы говорят о грамотности крестьян³⁴. Об этом же свидетельствуют жития святых XV в.: Антоний Сийский из села близ Белого моря,

Александр Свирский из Обонезья, Александр Ошевенский в детстве обучались грамоте в сельских школах³⁵. Одним из показателей грамотности северян является установленная исследователями значительная роль книжных источников в былинном сказительстве Севера³⁶. И наконец, сами былины свидетельствуют об образованности древнерусского общества. Богатыри, как на это впервые обратил внимание Л.Н. Майков, люди грамотные, умеющие читать и писать³⁷. О том, что образованность была обычным явлением в Новгороде, говорят новгородские былины.

Свидетельством довольно высокого уровня образованности крестьян Русского Севера может служить широкое распространение там рукописных, а позже и печатных книг. Как уже говорилось, книжный орнамент, особенно рукописный, способствовал появлению характерных черт в художественных стилях Русского Севера. Так, упоминавшиеся росписи по дереву имеют несомненные аналогии в орнаментальных оформлениях рукописных книг, причем искусствоведы обнаруживают в севернорусских росписях влияние книжной графики разных времен. Помимо рукописного орнамента Древней Руси XI–XII вв., о котором уже говорилось, в росписях сказалось влияние так называемого «чудовищного», «терралогического» стиля, господствовавшего в русской письменности в XIII–XV вв.³⁸ В XV–XVI вв. этот стиль был постепенно вытеснен новым, «плетеным», или «жгутовым», орнаментом³⁹. В XVI–XVII вв. на смену плетеному орнаменту приходит другой вид, получивший название «растительного», или «травного», «цветного», за преобладание в нем растительных мотивов⁴⁰. На основе травного орнамента на Русском Севере в XVII–XVIII вв. возник высокохудожественный орнаментальный стиль старообрядческих рукописей, известный как «поморский» по месту своего наибольшего распространения в старообрядческом Поморье (в районе Белого моря)⁴¹. Влияние всех этих стилей, особенно поморского, обнаруживают в орнаменте на предметах прикладного искусства Русского Севера, что предполагает довольно широкое распространение рукописных и старопечатных книг. Имеются и прямые свидетельства этого: именно на Севере найдено большое число таких книг⁴².

Воздействие подобной литературы заметно в севернорусском фольклоре. Например, исследователи отметили влияние средневековых «физиологов и bestiариев» на формирование широко бытовавшего в прошлом на Севере духовного стиха о Голубиной книге⁴³.

* * *

Распространению городского влияния в культуре Русского Севера, несомненно, способствовало то обстоятельство, что среди колонистов этой области были горожане, и в первую очередь новгородцы. В числе новгородских переселенцев, принимавших участие в освоении северных владений Новгорода, исторические источники называют известные новгородские фамилии. Названия ряда поселений на Северной Двине связаны с новгородскими боярскими фамилиями. Например, название с. Борок связывают с фамилией знаменитых бояр Борецких, а Мокрая Едома – с фамилией бояр Своземцевых-Едемских⁴⁴. Исторические сведения нередко подтверждаются местными преданиями. Так, в с. Борок бытовало предание, что Марфа Борецкая бежала сюда, спасаясь от Ивана Грозного. Другое предание повествует, что северодвинское с. Кочемо было основано двумя новгородцами, перенесшими сюда со своей родины икону Св. Николы. С тех пор 22 июня жители ежегодно отмечали это событие⁴⁵. Массовым было бегство новгородцев от репрессий Ивана Грозного. Они уходили на северо-восток Европы и в Сибирь. Эти события сохранялись в памяти их потомков до XX в. Один из краеведов XIX в. писал: «В г. Новгороде кроме фамилий Дербушевых никого не осталось из коренных жителей, кто бы мог вести свой род хотя бы от времени падения Новгорода...»⁴⁶. Диалектологические исследования также показали, что древнее новгородское население, покинув свои места в XV в., передвинулось на северо-восток⁴⁷.

Новгород неоднократно упоминается в произведениях севернорусского фольклора, не только в былинах, но и в обрядовой поэзии, исторических преданиях. В причита-

ниях знаменитой во пленницы Ирины Федосовой Новгород предстает как бывшая родина, страна предков, что, как справедливо полагают исследователи, отражает исторические события, связанные с миграцией древненовгородского населения на Север⁴⁸. Имеются и другие доказательства связей севернорусских колонистов с Новгородом. В.Ф. Миллер в статье «О некоторых былинных именах» отметил, что в Новгороде и в новгородских областях, особенно в среде посадских и тысяцких, в период его процветания замечается особое обилие ветхо- и новозаветных имен по сравнению с другими районами, населенными великорусами. В свою очередь он отметил «значительное количество новгородских типичных имен в былинах...»⁴⁹.

Имеются основания полагать, что горожане принимали непосредственное участие и в распространении былинного эпоса. В свое время, выясняя причины, по которым эпос сохранялся на Новгородской земле дольше, чем в других древнерусских областях, мы высказали предположение, что их нужно искать в особенностях общественной жизни Новгорода Великого, способствовавших проникновению эпоса в крестьянскую среду. Именно крестьяне, как свидетельствует многочисленный этнографический материал, всегда были тем социальным слоем, который сохранял древнейшие культурные традиции, зачастую восходящие к культуре городских слоев населения. В числе особенностей общественной жизни Новгорода можно указать на Новгородскую дружину, в составе которой выделяются гриди. В последних некоторые исследователи видят членов городской общинной дружины, слагавшейся по образцу древней родовой сельской общины, имевшей в Новгородской земле больший вес, чем княжеская дружина. Существует предположение, что в XII–XIII вв. гриди, осевшие на землю, вошли в состав средних землевладельцев⁵⁰.

Среди землевладельцев Новгородской земли выделялась особая прослойка крестьян-собственников, известная под названием земцев или своеземцев, которая не известна в других землях княжеской Руси. По роду занятий и размерам хозяйства своеземцы ничем не отличались от крестьян, но владели своими землями на правах полной собственности. «Сельский класс своеземцев образовался преимущественно из горожан: это были не сельские обыватели, приобретающие дворы в городах, а чаще горожане, приобретающие земли в уезде»⁵¹. О том, что своеземцы принимали участие в освоении северных владений Великого Новгорода, свидетельствует ряд источников. За своеземцами числились земли в ряде погостов Заонежья. Двинские грамоты называют своеземцев среди крестьян-общинников⁵².

Имеются сведения, что богатые новгородские своеземцы скупали земли у чуждских князей в Поважье; некоторые из них стали крупными феодалами и вошли в состав новгородских бояр, хотя название «своеземцы» за ними сохранялось. Так, в XIV–XV вв. обширные земли в Поважье были приобретены боярами Своземцевыми, которые сумели сохранить свое общественное положение даже в московское время. Один из потомков рода Своземцевых, носивший фамилию Едемский (по вотчине на р. Едьма), породнился со знаменитым семейством Строгановых. Однако в XVIII в. богатый и знатный род Едемских постепенно оскудел и его потомки стали простыми крестьянами⁵³.

Можно предположить определенную роль своеземцев, занимавших промежуточное положение между городским и сельским населением Новгорода, в перенесении городской культуры, в частности былинного эпоса, в крестьянскую среду. Это предположение тем более вероятно, что общественная жизнь Новгорода носила демократический характер. «Вечевой строй... ставший символом Древнего Новгорода... делал возможным более широкий доступ к политической и общественной жизни республики трудовому населению, которое, в той или иной степени, вмешивалось во все новгородские государственные и экономические мероприятия... Свообразие социально-политического строя Древнего Новгорода отразилось и на развитии культуры. Новгородская культура охватывала широкие слои населения, благодаря чему она прониклась чертами подлинной народности в большей мере, чем в любой другой области Руси»⁵⁴.

В связи с вопросом о роли городской культуры и городского слоя населения в сложении и сохранении былинной поэзии особый интерес представляет работа В.Ф. Миллера «Материалы для истории былинных сюжетов. К крестьянству Микулы Селяниновича», в которой он рассматривает вопрос о новгородской локализации песен о Вольге и Микуле. Автора заинтересовал и сам тип свободного зажиточного земледельца, каким представляется этот сложный образ былинного эпоса. Он также подчеркнул одну из характернейших особенностей новгородского землевладения – существование наряду с зависимыми «половниками» свободных крестьян-собственников. «Этого класса, – цитирует автор В.О. Ключевского, – мы не встречаем на всем пространстве княжеской Руси: там все крестьяне работали либо на государственных, либо на частных господских землях... Он назывался земцами или своеземцами. Этот класс в новгородской земле, по-видимому, был довольно многочисленен»⁵⁵. В.Ф. Миллер пришел к выводу, что черты Микулы Селяниновича отразили реального новгородского богатого своеземца. Отсюда и значительная запашка его поля, богатство, которым он похвально, его поездки в город Ореховец, с которым он сохранял связь как своеземец.

Очевидно, не случайно, что именно в районах новгородской колонизации среди крестьянства сохранялось «родовое» сознание. Об этом, в частности, свидетельствует интересный обычай, существовавший в поморских деревнях, в котором отразилось представление о высоких и низких родах. Обычай заключался в следующем: в престольный праздник, раз в году здесь водили своеобразные хороводы – «круги». Особого внимания заслуживает порядок, по которому ставили девушек в круг. Первыми должны были идти девушки «высоких», «коренных» фамилий. Очередность подсказывали девушкам-хозяйкам праздника пожилые женщины. Как удалось выяснить, «высота» фамилии или рода зависела не от богатства, а от древности рода. К высоким древним родам относились потомки самых первых поселенцев в той или иной деревне; соответственно к «низким» фамилиям – потомки более поздних переселенцев, хотя и последние могли приехать давно, на памяти прапрадедов современных жителей. Высота рода играла роль и при выборе невесты. Девушки «хорошей породы» ценились выше богатой и красивой. Несомненна связь между представителями «высоких» фамилий и сказителями былин, принадлежавшими нередко к потомкам «коренных» фамилий⁵⁶.

Об участии городских слоев населения в сложении и распространении эпоса свидетельствуют тексты былин. Археологические находки в древнем Новгороде убеждают, что в былинах особенно много специфических черт городской жизни Древнего Новгорода. В большинстве былин представлены городская обстановка, богатое по убранству и сложное по планировке жилище, рынки с многочисленными товарами, пристани с многочисленными судами. Персонажи были одеты в дорогие привозные ткани. Главные герои былин – богатыри – предстают хорошо вооруженными воинами-дружинниками, всадниками в богатых металлических доспехах⁵⁷.

Изучение гуслей – музыкального инструмента сказителей былин – показало, что хотя этот инструмент известен по неоднократным изображениям в миниатюрах, иконах и книжной графике, а также по упоминаниям в древнерусской литературе, впервые увидеть гусли удалось лишь в результате открытий Новгородской археологической экспедиции⁵⁸. Говоря о чертах городской культуры Древнего Новгорода, можно привести и такое свидетельство. В новгородских раскопках были найдены кожаные антропоморфные маски. Исследователи обнаруживают в них сходство с деревянными святочными масками Русского Севера⁵⁹.

Число примеров, показывающих значительную роль городских влияний в сложении севернорусской традиционной культуры, можно умножить, однако и приведенных, на наш взгляд, достаточно, чтобы заключить, что оно было значительным. Этому в первую очередь способствовали особенности исторических судеб Русского Севера и его метрополий – Новгорода Великого и Москвы. Борьба этих двух городов, в которой Новгород терпел поражение за поражением, способствовала перемещению новгородцев в северо-восточные владения Новгорода, вливанию горожан в крестьянскую среду.

Представляется, что наше исследование позволяет сделать некоторые выводы методологического характера. Влияние городской культуры не всегда в должной мере учитывается при сравнительном анализе народного искусства разных регионов. Например, несомненное родство искусства западных, восточных и южных славян чаще связывают с генетическим родством этих групп славянства, реже – с общими культурными влияниями, шедшими из одного источника. Характерен в этом отношении пример с рукописным орнаментом, оказавшим, как говорилось, большое влияние на орнаментальные росписи в прикладном искусстве, в том числе и крестьянском. Рукописный орнамент Древней Руси XI–XII вв. специалисты называют старовизантийским, подчеркивая большое влияние византийского стиля⁶⁰. Этот стиль отличают от более позднего неовизантийского орнамента, появившегося в конце XIV–начале XV в.⁶¹ Влияние Византии было настолько сильным, что один из исследователей охарактеризовал древнерусский орнамент как «варварскую разновидность византийского стиля», считая, «что народные мастера упрощали произведения царьградского стиля, примешивая к нему народно-фантастические мотивы»⁶². Большинство исследователей, напротив, говорило об обогащении византийских стилей древнерусскими мастерами, однако само византийское влияние не оспаривалось никем.

Большую роль в распространении христианской, византийской культуры сыграли южнославянские страны Болгария и Сербия, так что период XI–XII и XIV–XV вв. называют временем первого и второго южнославянского или балканского влияния. Культурное общение с южными славянами осуществлялось главным образом двумя путями: в результате поездок русских на Афон и в Византию и через выходцев с Балканского п-ова, приезжавших в Русскую землю. Эти связи усилились после падения Византии, когда Болгария стала рассматриваться как преемница культуры бывшей империи, и особенно в конце XIV–XV вв., когда Болгария и Сербия подверглись турецкому нашествию, после чего на Русь устремились эмигранты из стран Балканского п-ова. Среди эмигрантов было немало церковных иерархов, политических и культурных деятелей, занявших видное положение в русском обществе. Через них на Русь попало большое число болгарских и сербских книг, о влиянии которых говорилось выше. Все эти факторы не могли не обусловить общность многих орнаментальных мотивов в искусстве разных групп славян.

Однако нужно учитывать и то обстоятельство, что географическое распространение культурных влияний, моды на то или иное орнаментальное украшение, как это отмечали такие этнографы, как Н.Я. Марр и Д.К. Зеленин, не случайно, а нередко предполагает родство населения. Об этом, в частности, может свидетельствовать распространение различных элементов культуры на Русском Севере. В разных его районах заметно преобладание различных городских черт, связанных с культурными влияниями, шедшими главным образом из двух центров: Москвы и Новгорода. Влияние Новгорода, а позднее Архангельска и Петербурга, было сильнее в северо-западных районах Русского Севера (собственно Поморье), тогда как в юго-восточных районах заметнее влияние Ростово-Суздальской, позднее Московской Руси. Пути заселения, как показывает дальнейшая история Севера, были и путями распространения экономических, торговых и культурных влияний, шедших из метрополий⁶³.

Предпринятое в этой работе рассмотрение городских влияний в культуре Русского Севера свидетельствует, на наш взгляд, и о том, что традиционное искусство нельзя рассматривать как чисто крестьянское. Крестьяне были не только создателями, но и в наименьшей мере восприимчивыми и хранителями общенародной культуры, в том числе и культуры высших классов. Может, поэтому эта культура нередко называется и воспринимается как народная. Нить преемственности культуры может уходить вглубь веков, как это можно видеть на примере Русского Севера, воспринявшего культуру Древней Руси, которая в свою очередь складывалась под сильным влиянием Византийского Царьграда. Эту связующую нить, по всей вероятности, можно продолжить в пространстве и времени, что, однако, потребует специального рассмотрения.

- ¹ *Насонов А.И.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 93 сл.
- ² Подробнее см.: *Дмитриева С.И.* Фольклор и народное искусство Европейского Севера. М., 1988. С. 4 сл.
- ³ *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. I. М., 1876; Ч. II. М., 1879.
- ⁴ *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. 1. М., 1897; Т. 2. М., 1910; Т. 3. М.; Л., 1924.
- ⁵ *Квашилин-Самарин Н.Д.* Русские былины в историко-географическом отношении // Беседа. 1871. Кн. 4 и 5; *Халанский М.* Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885; *Веселовский А.* Русский эпос и новые его исследователи – гг. Халанский и Дамберг // Вестник Европы. 1888. Кн. 7.
- ⁶ *Тихомиров М.И.* Древнерусские города. М., 1956; *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; *Линец Р.С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969.
- ⁷ *Вишневецкая В.М.* Свободные кистевые росписи // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 10.
- ⁸ Там же. С. 11–12.
- ⁹ *Воронов В.С.* Крестьянское искусство. М., 1924. С. 92 сл.; *Жегалова С.К.* Новые материалы по истории северодвинской росписи // Русское народное искусство Севера. С. 41–42.
- ¹⁰ *Мальцев Н.В.* Мастера деревянной скульптуры Русского Севера XVII в. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 128 сл.
- ¹¹ *Уханова И.П.* К истории севернорусской резьбы по кости XIX в. // Русское народное искусство Севера. С. 134.
- ¹² *Пятищцкая И.А.* Исторические корни и эволюция шемогодской резьбы // Русское народное искусство Севера. С. 145 сл.
- ¹³ *Станюкович Т.В.* Цветное стекло М.В. Ломоносова в русском прикладном искусстве XVIII в. // Культура Русского Севера. С. 155.
- ¹⁴ *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М.; Л., 1948. С. 396.
- ¹⁵ *Станюкович Т.В.* Указ. раб. С. 156.
- ¹⁶ *Маковецкий И.В.* Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962. С. 184 сл.
- ¹⁷ *Габе Р.М.* Карельское деревянное зодчество. М., 1941. С. 55.
- ¹⁸ *Работникова И.П.* Русская народная одежда. М., 1964. С. 17.
- ¹⁹ *Дмитриева С.И.* Традиционный фольклор Русского Севера // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. VI. Русские. Кн. 3. М., 1933. С. 65–66.
- ²⁰ *Зеленин Д.К.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913. С. 362.
- ²¹ *Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978. С. 242 сл.
- ²² *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. М.; Л., 1934. С. 348.
- ²³ *Некрасов А.И.* Русское народное искусство. М., 1924. С. 98.
- ²⁴ *Дмитриева С.И.* Мезенские кресты // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1984. Л., 1986.
- ²⁵ *Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А.* Рынок Устюга Великого. М., 1960. С. 619.
- ²⁶ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 3. СПб., 1900. С. 206.
- ²⁷ *Астахова А.М.* Былины Севера. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 98, 109, 161.
- ²⁸ *Дружинин В.Г.* К истории крестьянского искусства XVIII–XIX вв. в Олонецкой губернии // Изв. АН СССР. Т. XX. М., 1926; *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862.
- ²⁹ *Дружинин В.Г.* Указ. раб. С. 148; *Вишневецкая М.М.* Указ. раб. С. 13 сл.
- ³⁰ *Мальцев В.И.* Усть-Цылемские рукописные сборники XVI–XX веков. Из истории рукописно-книжной традиции на Пизовой Печоре. Сыктывкар, 1960. С. 16–26; *Тарановская Н.В.* Росписи на Мезени и Печоре (о формировании местных художественных стилей) // Русское народное искусство... С. 56 сл.
- ³¹ *Соболевский А.И.* Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1894.
- ³² *Порфиридов Н.Г.* Древний Новгород. М.; Л., 1947. С. 149–167.
- ³³ *Арциховский А.В., Тихомиров М.И.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1952; *Арциховский А.В.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1954; *Жуковская Л.П.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959; *Черепнин Л.В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
- ³⁴ *Шахматов А.А.* Исследования о двинских грамотах XV в. СПб., 1903.
- ³⁵ *Соболевский А.И.* Указ. раб. С. 16.
- ³⁶ *Астахова А.М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 31.
- ³⁷ *Майков Л.И.* О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863. С. 83.
- ³⁸ *Буславев Ф.И.* Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пг., 1917. С. 9–10; *Сви-*

- рин А.Н. Древнерусская миниатюра. М., 1950. С. 46; Щепкин В.Н. Учебник русской палеографии. М., 1918. С. 54 сл.
- ³⁹ Свириин А.Н. Указ. раб. С. 76 сл.; Щепкин В.Н. Указ. раб. С. 57–58.
- ⁴⁰ Свириин А.Н. Указ. раб. С. 117 сл.; Чаев Н.С., Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1946. С. 169 сл.
- ⁴¹ Щепкин В.Н. Указ. раб. С. 65.
- ⁴² Свириин А.Н. Указ. раб. С. 138.
- ⁴³ Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. М., 1991.
- ⁴⁴ Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере в XVIII в. Т. 1. // Чтения в императорском об-ве истории и древностей российских при Московск. ун-те. Кн. 1. М., 1910. С. 2–6.
- ⁴⁵ Этнографические сведения о жителях Шенкурского уезда (Архив Геогр. об-ва, 1–48). Цит. по статье: Жезалова С.К. Новые материалы по истории северодвинской росписи // Русское народное искусство Севера. С. 40.
- ⁴⁶ Богословский Н. Общий очерк жизни и характера жителей Новгородской губернии // Новгородский сборник. Новгород, 1865. Вып. 1. С. 1.
- ⁴⁷ Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
- ⁴⁸ Барсов Е. Памятники народного творчества в Олонецкой губернии. СПб., 1873. С. 5–6.
- ⁴⁹ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 2. С. 383.
- ⁵⁰ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 342.
- ⁵¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. II. М., 1912. С. 104.
- ⁵² Дашилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 52–53.
- ⁵³ Угрюмов А. Кокшеньга. Историко-этнографические очерки. Архангельск, 1992. С. 31–33.
- ⁵⁴ Янин В.Л. Великий Новгород // По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 251.
- ⁵⁵ Ключевский В.О. Указ. раб. С. 104 сл.
- ⁵⁶ Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство... С. 57 сл.
- ⁵⁷ Липец Р.С. Указ. раб.
- ⁵⁸ Колчин Б.А. Гусли древнего Новгорода // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 365.
- ⁵⁹ Даркевич В.П. Средневековые маскарады // Древности славян и Руси. М., 1989. С. 216.
- ⁶⁰ Щепкин В.Н. Указ. раб. С. 42–43, 51–52.
- ⁶¹ Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1958. С. 166–167.
- ⁶² Щепкин В.Н. Указ. раб. С. 53.
- ⁶³ Подробнее: Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство... С. 4 сл.

S.I. D m i t r i e v a. Urban features in Russian Pomor Culture

The author shows the important role of the urban influence on the culture of the Russian North (the Old Russian culture national park). She comes to the conclusion that the traditional culture is not merely peasant. They were not only the creators but to no small degree recipients and keepers of the national culture including the urban one.

© 1997 г., ЭО, № 5

М.А. Д е м и н

СВЕДЕНИЯ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ НАРОДОВ СИБИРИ В РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ XVII в.

В этнографических исследованиях отечественные литературно-исторические описания XVII в., посвященные верованиям сибирских аборигенов, в отличие от записок зарубежных писателей и путешественников, а также отдельных документальных актов, используются крайне редко. Это связано с фрагментарностью, трудностью выявления и интерпретации сведений, содержащихся в литературных и исторических